

Активация уз ослабления сердца

— Это соцветие сталактитового цветка, — пояснил Вэнь Цзюаньчжи. — Он цветёт непрерывно в течение ста лет. Увидеть такое — редкая удача, случающаяся раз в несколько столетий.

— И всё-таки он цветёт, — с чувством произнёс У Линчань.

— Цюсанъюань... — продолжил Вэнь Цзюаньчжи, — для роста ему нужны особые условия: корням необходим свет, листья не переносят влаги, стебель твёрд, как железо, а цветы остры, словно лезвия, и способны убивать. Чтобы использовать его для пилюль, цветок нужно срубить.

— Да почему он вообще на небесах не растёт? — возмутился У Линчань.

Вэнь Цзюаньчжи промолчал.

Чи Фухань, жуя пирожное, закатил глаза:

— Тебе ли придирааться? Твоё золотое ядро разрушено, и ты не можешь просто рассеять свою силу и начать заново. Способ его восстановления должен быть воистину непостижимым. И это мы только... какой по счёту ингредиент обсуждаем? Ах да, всего лишь пятый. А там ещё целый список.

Вэнь Цзюаньчжи развернул свиток, показывая ему бесконечный перечень трав.

— Всё в руках человека, — лениво протянул У Линчань, подперев щеку рукой. — Каких-то несколько десятков трав, что в этом сложного? Я непременно найду их все.

Чи Фухань чуть не выронил пирожное.

Любой, увидев такой длинный список, где каждая трава стоила целое состояние и добывалась с невероятным трудом, давно бы сдался.

А этот У Кунькунь, хоть и юн, но упрямства ему не занимать.

Неудивительно, что Владыка Чэнь так ему потакает.

— Кхм, — Чи Фухань взял свиток и обвёл несколько названий. — Вот эти есть у меня. Если хочешь, отдам.

— М-м? — У Линчань не выказал ни бурной радости, ни благодарности, которых ожидал Чи Фухань. Вместо этого он смерил его странным взглядом с головы до ног.

Чи Фухань подумал, что его хитрость — использовать травы как предлог для встречи с Владыкой Чэнем — раскрыта, и, стараясь сохранять спокойствие, произнёс:

— Что, тебе даром отдают, а ты ещё и привередничаешь?

— Не привередничаю, — ответил У Линчань. — Я решил сделать тебя моим вторым защитником. Присягай мне на верность.

Чи Фухань замер.

Он ещё не встречал никого, кто требовал бы в качестве платы за присягу две драгоценные травы.

— Бери или уходи, — с улыбкой сказал он.

— Беру, беру! Можешь не благодарить и не кланяться.

— ...Катись к чёрту! — не выдержал Чи Фухань.

Вэнь Цзюаньчжи тоже взял кисть и вычеркнул из списка пять трав, после чего отложил её.

Чи Фухань, увидев это, усмехнулся:

— Твоя семья Вэнь так богата и могущественна, а у вас нашлось всего пять трав? У меня и то шесть.

— Кроме этих пяти, — с недоумением посмотрел на него Вэнь Цзюаньчжи, — у нас есть все остальные.

У Линчань замер.

Чи Фухань тоже.

«Тьфу».

У Линчань не ожидал, что семья Вэнь настолько богата.

— И сколько всё это будет стоить в духовных камнях? — поспешно спросил он.

— В Пустоши Демонов расплачиваются кристаллами, — поправил его Вэнь Цзюаньчжи и принялся считать. — Сто тысяч кристаллов — это как в Союзе Бессмертных три...

— Всего лишь тридцать тысяч? — перебил У Линчань.

— Три миллиона, — уточнил Вэнь Цзюаньчжи.

У Линчань промолчал.

— Ну и торгоши вы, целители, — цокнул языком Чи Фухань.

Вэнь Цзюаньчжи воспринял это как комплимент и кивнул.

Он ещё не мог распоряжаться делами семьи Вэнь, как Чи Фухань, и не мог просто так подарить десятки драгоценных трав. Он долго щёлкал на счётах и, наконец, сделал юному господину скидку — всего семьдесят тысяч семнадцать кристаллов.

У Линчань поклялся, что непременно добудет эти кристаллы и купит травы.

Перед уходом он протянул им свитки с нарисованными наспех портретами. Свитки были крошечными, размером с ладонь, и бамбуковые валики казались излишеством.

— Ты хоть знаешь, что в Пустоши Демонов значит дарить кому-то свой портрет... — протянул Чи Фухань.

Но не успел он договорить, как развернул свиток.

Портрет был нарисован небрежно, всего парой линий. Черты лица перекошены, но по кленовому листу в углу, красной одежде и золотым точкам можно было догадаться, что это У Линчань со своими звенящими украшениями.

Чи Фухань замер.

— Что? — не понял У Линчань.

— ...Ничего.

Дарить такой ужасный портрет можно было только врагу.

У Линчань щёлкнул пальцами и, раскрыв ладонь, сделал круг на месте.

Нарисованный человечек на свитке в руках Чи Фуханя ожил и подпрыгнул.

— Этот портрет нарисован тушью Мо Бао, — сказал У Линчань. — Если узнаете что-нибудь об остальных пяти травах, сообщите мне через него.

Пока он говорил, человечек на свитке тоже что-то щебетал.

— Сюаньсян Тайшоу, первый в Списке оружия, — скривился Чи Фухань. — Капля его туши стоит целое состояние, а ты используешь её, чтобы рисовать таких уродцев для передачи сообщений?

Сюаньсян, сохраняя невозмутимость, не проронил ни слова.

— А что не так с этим уродцем? — У Линчань достал другой свиток. — Вот, я тебя нарисовал. Красиво, правда?

Чи Фухань бросил взгляд на рисунок.

Черты лица разлетелись в разные стороны, глаза косили. Выглядел он не очень умным.

По сравнению с этим портретом, автопортрет У Линчаня был настоящим шедевром.

Чи Фухань холодно усмехнулся и, взмахнув рукавом, удалился.

Вэнь Цзюаньчжи, взяв свой «умный» портрет, тоже вежливо откланялся.

Когда они ушли, У Линчань, сев на лежанку, перерыл всё пространство Сюаньсяна, но нашёл лишь несколько сотен духовных камней.

— Не хватает? — спросил Цин Ян.

— Хватит, чтобы мы втроём долетели на огромном коршуне до владений семьи Вэнь, — протянул У Линчань, болтая ногой, — где нас встретят криком: «Откуда вы, нищелюды? Вон!», и чтобы с позором улететь обратно.

Цин Ян промолчал.

В Союзе Бессмертных У Линчань никогда не нуждался в деньгах. Либо кто-то, сверкая глазами,

швырял в него деньги, либо он просто брал то, что ему нравилось.

Где бы раздобыть денег?

Постойте.

Чэнь Шэ — владыка демонов. Зачем тратить время и ходить окольными путями?

Сказано — сделано. У Линчань тут же вскочил, переоделся в красивую одежду и сказал Цин Яну:

— Ты тут поиграй, а я отлучусь.

— Куда ты? Я тоже... — поспешно спросил Цин Ян.

— К Чэнь Шэ.

— Я тут поиграю, — тут же ответил Цин Ян.

У Линчань, завязав накидку, прошёл по длинному коридору. Яркий багряный кленовый лес проносился мимо, ветер трепал его тёмные волосы. Радостно смеясь, он выбежал в ослепительно белый снег.

Двери и окна Террасы Бихань были распахнуты, и в них виднелся падающий густой снег. Чэнь Шэ, застывший за столом над игрой в го, казался сошедшим с картины.

Сегодня он был в поэтическом настроении и даже срезал ветку красной сливы, поставив её в вазу.

Услышав знакомые шаги, Чэнь Шэ не прервал игры, но уголки его губ едва заметно дрогнули в улыбке.

У Линчань, словно порыв ветра, ворвался в комнату и, не успев сесть, небрежно бросил:

— Вторая горизонталь, третья вертикаль.

Камни в игре Сыфан Улу управлялись мыслью. Чэнь Шэ уже занёс камень, чтобы поставить его на «третью горизонталь, пятую вертикаль», но тот в последний момент перевернулся и точно лёг на «вторую горизонталь, третью вертикаль».

Бам-бам-бам.

Чёрные камни, созданные из духовной силы, потерпели поражение и с треском рассыпались в пыль.

Чэнь Шэ промолчал.

Он усмехнулся, но не рассердился. Смахнув пыль, он начал расставлять камни для новой партии.

У Линчань без церемоний уселся напротив него, скрестив ноги, и принялся болтать ими. Золотые украшения на его поясе зазвенели.

— Владыка Чэнь, одному играть, должно быть, скучно. Давай я составлю тебе компанию.

Чэнь Шэ замер, и его голос стал холоднее:

— Разве ты не должен восстанавливать силы во дворце Даньцзю?

— Я почти здоров, — У Линчань, подперев щеку, с улыбкой смотрел на него. — Сегодня ко мне приходили Чи Цюйцзюй и Вэнь Цзюаньчжи. Вэнь Цзюаньчжи проверил мой пульс и сказал, что есть надежда на восстановление.

— Это хорошо.

У Линчань всегда говорил то, что думал. Не успел он сделать и двух ходов, как перешёл к делу:

— Я ведь юный господин, значит, у меня должно быть много кристаллов, да?

— Сколько нужно? — ровным тоном спросил Чэнь Шэ.

— Семьдесят тысяч.

Чэнь Шэ тихо усмехнулся.

У Линчань никогда не умел читать по лицам, но сейчас он отчётливо увидел на лице Чэнь Шэ четыре огромных иероглифа: «Всего лишь семьдесят тысяч».

У Линчань, ухватившись за возможность, принялся его задабривать, играя с ним в го. Несколькими ходами он снова разбил чёрные камни в пыль.

Чэнь Шэ промолчал.

Не прошло и четверти часа, как У Линчань разрушил и эту партию. Чэнь Шэ потерял интерес и взмахнул рукой.

Отвар, кипевший на жаровне, сам собой налился в чашу и подлетел к У Линчаню.

У Линчань тут же скривился и хотел было сбежать.

В Пустоши Куньфу раны обычно лечили духовной силой или пилюлями. Но золотое ядро У Линчаня было слишком хрупким, и, хоть он и выглядел бодрым, мощь пилюль могла проделать в его меридианах дыры, как в решете.

Чтобы У Линчань не взорвался, духовные травы нельзя было очищать, а приходилось варить из них отвар и медленно вскармливать ему.

У Линчаню не нравился запах лекарств, и он нахмурился.

— Выпьешь — пойдём за кристаллами, — сказал Чэнь Шэ.

— Я выпью половину, — У Линчань ненавидел вкус отвара, ему казалось, будто он жуёт корни и пьёт их сок — горький и неприятный. — Дай мне пятьдесят тысяч кристаллов, и хватит.

Чэнь Шэ промолчал.

— У Кунькунь, — ровным тоном произнёс он.

— Знаю, знаю, — пробормотал У Линчань, скривившись.

Он взял чашу и выпил отвар в пять больших глотков. Один глоток — десять тысяч.

Только тогда Чэнь Шэ встал.

— Пойдём.

Глаза У Линчаня заблестели, и он поспешил за ним.

Круглый год на Террасе Бихань была слышна лишь тишина падающего снега, но сейчас её нарушал весёлый хруст шагов. У Линчань кружил вокруг Чэнь Шэ и без умолку болтал:

— Почему на Террасе Бихань всегда идёт снег?

— Лекарства пьют только смертные. Пилюли мне не повредят. Давай я больше не буду его пить, хорошо?

— Если я возьму твои кристаллы, мне нужно будет их возвращать?

На первые два вопроса Чэнь Шэ не ответил, но на последний всё же отозвался:

— Хм? А ты хочешь вернуть?

«Как это — хочу или не хочу? — подумал У Линчань. — Взять в долг и не вернуть — это же грабёж».

— Конечно, верну! — поспешил он заверить Владыку Чэня в своей честности. — Как я могу пользоваться твоей добротой? Юный господин на такое не способен.

Чэнь Шэ остановился.

С крыш длинного коридора свисали бесчисленные острые сосульки. Порыв ветра сорвал несколько из них, и они с треском разбились о землю.

У Линчань вздрогнул.

— Пришли, — не глядя на него, сказал Чэнь Шэ.

У Линчань повернул голову.

Задний двор Террасы Бихань был странным. Налево уходила длинная тропа, утопавшая в зелени бамбука; направо же всё было покрыто инеем и снегом, а дворец почти полностью скрылся под ледяной коркой.

Когда они толкнули дверь, с неё посыпался лёд, а с земли поднялся холодный туман, закручиваясь волнами.

У Линчань запрыгал на месте от холода.

Дверь полностью открылась.

Задний дворец Террасы Бихань снаружи выглядел неприметно, У Линчань, проходя мимо, даже

не удостоил его взглядом. Но внутри он сиял великолепием.

Четыре стены изображали четыре времени года. Весенняя стена была увита пышными лианами, на которых росли бесчисленные виды духовных трав, уходившие вверх на десятки чжанов. Летом цвели лотосы, в бутонах которых хранились духовные плоды, безымянные артефакты и магические предметы. Осенние и зимние стены ещё не были освещены, и виднелись лишь багряные клёны и снег.

Вокруг царила густая духовная аура, а над головой сияли мириады звёзд.

Постойте.

У Линчань, задрав голову, долго крутился на месте и наконец понял, что над головой у него не звёзды, а бесчисленное множество кристаллов.

У Линчань промолчал.

Раньше он думал, что Цзян Чжэнлю, подаривший ему бочку тысячелетнего нефритового нектара, был невероятно щедр. Оказалось, есть кто-то ещё щедрее!

Снявши голову, по волосам не плачут. У Линчань, указав на весеннюю стену, с надеждой спросил:

— Вэнь Цзюаньчжи сказал, что мне не хватает ещё пяти трав. Если они здесь есть, ты мне их тоже одолжишь?

— Да, можно.

У Линчань пришёл в восторг. Он достал из рукава портрет Вэнь Цзюаньчжи и активировал на нём тушь.

Вскоре нарисованный человечек подпрыгнул, и из него донёлся голос:

— Юный господин Кунькунь?

— Да, да, — У Линчань, управляя чернильным следом, поднёс портрет к весенней стене. — Узнаёшь здесь нужные травы?

Вэнь Цзюаньчжи, увидев, что изображено на стене, ахнул:

— Где ты? Эти вещи...

— Ай, неважно, скорее ищи.

У Линчань суетился, и его звонкий голос наполнил сокровищницу.

Чэнь Шэ, казалось, не обращал на него внимания. Он в одиночестве подошёл к нефритовому столу в центре зала, коснулся его и взял кольцо-хранилище.

Золотое кольцо было заметно меньше обычного, словно для мизинца, и на руне-вместилище виднелся иероглиф «Кунь».

Удача была на стороне У Линчаня. Не прошло и двух четвертей часа, как он нашёл четыре травы.

— Вот эти четыре, — радостно сказал он. — Я пометил их красной верёвкой. Когда Вэнь Гу будет готовить для меня пилюлю, можно я приду и возьму их?

— Да, хорошо.

Чэнь Шэ соглашался на всё, что говорил У Линчань. Он был настолько сговорчив, что даже такой самоуверенный гордец, как У Линчань, заподозрил неладное.

«Почему он так добр ко мне?»

Чэнь Шэ бросил ему кольцо-хранилище.

— Там кристаллы.

У Линчань с сомнением заглянул внутрь. Кольцо, казалось, было без хозяина, и он без труда проник в него. Увиденное его потрясло.

— Так много! Спасибо!

— Кому спасибо? — спросил Чэнь Шэ.

— Щедрому Владыке Чэню! — громко и с чувством ответил У Линчань.

Чэнь Шэ промолчал.

— Возвращайся.

— Угу!

— И не забудь вернуть.

— ...Хорошо.

Когда У Линчань ушёл, на Террасе Бихань снова воцарилась тишина.

Чэнь Шэ сидел за столом, глядя на доску для го с вырезанным иероглифом «Чэнь». Он нахмурился и, сжимая в длинных пальцах камень, долго не делал ход.

Внезапно он произнёс:

— Дети все такие обидчивые?

Сюнь Е, стоявший на страже у окна, замер.

«А? Это он меня спрашивает?»

Фу Юй не было, и Сюнь Е, скрепя сердце, влез в комнату. Глядя на выражение лица Владыки Чэня, он не знал, что ответить, и решил сказать то, что тому хотелось бы услышать.

— Возможно, он и не сердится. Юный господин не умеет скрывать свои чувства.

— Ты хотел сказать, что у него нет ни сердца, ни лёгких, — усмехнулся Чэнь Шэ.

Сюнь Е с облегчением вздохнул.

— В этом есть и свои плюсы. Думаю, юного господина сбил с толку Владыка Цзюйфу. Что хорошего он мог сказать ему о вас? Наверняка наговорил с три короба, чтобы напугать.

— Напугать? — с усмешкой произнёс Чэнь Шэ. — Он бы с радостью научил У Кунькуня, как убить меня.

— Юный господин всего лишь на стадии очищения ци, — рассмеялся Сюнь Е. — Даже если он восстановит силы, то будет лишь на стадии золотого ядра. Владыка Цзюйфу, даже если захочет его научить, только разозлится от бессилия.

Чэнь Шэ, опустив ресницы, посмотрел на свою ладонь и тихо усмехнулся.

— Ты думаешь, мой отец, решив наконец показаться на глаза, ничего не предпринял?

Сюнь Е, вспомнив, как обычно действовал Владыка Цзюйфу, забеспокоился.

Действительно, Владыка Цзюйфу был мастером рунических формаций и заклятий. Даже с ограниченной силой, он, с его характером, не мог сидеть сложа руки.

— Принеси ту яшмовую сердцевину Люли, — ровным тоном сказал Чэнь Шэ.

Сюнь Е кивнул.

Яшмовая сердцевина Люли была редчайшим сокровищем. Артефакт, созданный из неё с помощью огненной эссенции, обретал собственный дух и, что самое важное, мог защитить душу. Признав хозяина, он навсегда оберегал его от любых заклятий.

Сердцевина была прозрачной, как стекло. Чэнь Шэ сжал её в пальцах, и твёрдый, как чёрное железо, яшма подался, позволяя придать ему любую форму.

Сюнь Е наблюдал со стороны.

«Яшмовая сердцевина обладает духом, артефакт из неё будет несравненным. Владыка Чэнь так серьёзен, даже использует свою жизненную силу для его создания. Наверняка он хочет придать ему величественную и грозную форму...»

Э-э...

...Лисы?

Яшмовая сердцевина приняла форму. На столе сидел милый молочно-белый лисёнок.

Чэнь Шэ сорвал из пустоты кленовый лист и бросил его. Лисёнок тут же стал огненно-красным и начал собирать духовную силу.

Уголки губ Сюнь Е дёрнулись.

«Ну всё, понятно, это чтобы кого-то задобрить».

Чэнь Шэ с безразличным видом погладил уже готовую яшмовую сердцевину.

Он очень хотел знать, если У Линчань узнает, что у него есть способ легко убить своего

приёмного брата, который заточил его отца и захватил трон...

Убьёт ли он его?

Сюнь Е тоже смотрел на лисёнка, но, случайно подняв взгляд, замер.

На запястье Чэнь Шэ виднелась тонкая чёрная линия, идущая вдоль вены. При изменении угла обзора она расходилась в стороны, образуя странный узор.

Сюнь Е вздрогнул.

«Чёрная линия, узор... Почему это так похоже на узы ослабления сердца, которые связывают жизнь и смерть?»

За полдня были найдены все травы для восстановления золотого ядра, кроме «Цюсаньюаня», который рос чуть ли не на небесах.

У Линчань наконец-то мог спокойно уснуть.

Но, едва заснув, он снова начал видеть сны.

На этот раз сон был осознанным.

В белой пустоте стоял Владыка Цзюйфу. На нём был чёрный халат, а белоснежные волосы ниспадали до земли. На нём не было тех сложных оков, что он видел вчера.

У Линчань не сразу его узнал.

— Сын мой, подойди, — прищурившись, поманил его Владыка Цзюйфу.

У Линчань, помедлив, подошёл.

— Отец? Как ты здесь оказался?

— Отец везде, — ответил Владыка Цзюйфу.

У Линчань промолчал.

— Вчера я боялся, что Чэнь Шэ тебя убьёт, поэтому не сказал тебе кое-что, — Владыка Цзюйфу, всё с тем же легкомысленным видом, наклонился и потрепал У Линчаня по голове. — Ц-ц, какой же ты низкий, совсем на меня не похож. В Союзе Бессмертных, видимо, плохо кормят.

— Что за таинственные слова, от которых можно лишиться жизни? — недовольно отмахнулся У Линчань.

— Повторяй за мной, — с улыбкой сказал Владыка Цзюйфу.

И он начал произносить длинную и сложную фразу, похожую на заклинание.

У Линчань с трудом понимал обычный язык Пустоши Куньфу, что уж говорить о заклинаниях.

Но, как ни странно, эта фраза, казалось, была выжжена в его сознании. Чем быстрее говорил Владыка Цзюйфу, тем яснее становился смысл заклинания.

«Узы... ослабления чего?»

«Что это?»

У Линчань, ничего не понимая, инстинктивно отступил на несколько шагов.

Владыка Цзюйфу, закончив длинное заклинание, протянул руку и схватил У Линчаня за плечо.

— Сын мой, запомнил? — с улыбкой спросил он. — Это заклинание даёт тебе власть над жизнью и смертью Чэнь Шэ. Во всём мире только ты можешь его использовать.

У Линчань замер, ему показалось, что он ослышался.

— Я... я убью Чэнь Шэ? Я?

Услышав фразу «во всём мире только ты», У Линчань впервые почувствовал отторжение. Он не хотел такой чести — убивать.

Динь-линь!

Издали донёсся звон золотого колокольчика Сымин. Звук превратился в призрачные цепи, которые опутали запястье У Линчаня и потянули его назад.

Владыка Цзюйфу, хоть в сознании У Линчаня была лишь крошечная частица его духа, одним взмахом руки мог разрушить самую мощную защитную формацию в мире.

Он схватил У Линчаня за запястье и с улыбкой сказал:

— Верни себе Пустошь Куньфу, возьми её в свои руки, и тебе больше не придётся унижаться и смотреть на чужое лицо из-за каких-то ста тысяч кристаллов. Сын мой, используй это заклинание, убей Чэнь Шэ, и Пустошь Куньфу, Терраса Бихань — всё будет твоим.

Золотой колокольчик Сымин зазвенел ещё громче, и всё больше цепей опутывало запястье У Линчаня.

Душа У Линчаня разрывалась от боли, но он, казалось, не замечал этого.

Наконец, он тихо произнёс:

— Я не хочу.

— У Кунькунь, — помрачнев, сказал Владыка Цзюйфу.

У Линчань без страха посмотрел ему в глаза.

— Это не мой путь, и я по нему не пойду.

— Твой путь — это пресмыкаться перед Чэнь Шэ и влачить жалкое существование? — спросил Владыка Цзюйфу. — Тебя научили быть мягкосердечным эти идиоты из Союза Бессмертных, но он — настоящий демон, и он замышляет против тебя зло. Однажды он убьёт тебя первым.

— Я не предаю себя из-за пары слов, — ответил У Линчань. — Куда бы ни вёл мой путь, к жизни или к смерти, если я его выбрал, значит, он правильный.

А остальное меня не касается.

Владыка Цзюйфу на мгновение опешил.

Золотой колокольчик Сымин опутал талию У Линчаня и, словно рыбу, вытащил его из глубин сознания.

Владыка Цзюйфу, оставшись один в белой пустоте, тихо рассмеялся.

— Достойный сын своего отца.

Но слишком юный.

— Раз уж ты не хочешь, — глядя на удаляющийся красный силуэт, ровным тоном произнёс Владыка Цзюйфу, — отец тебе поможет.

Динь-линь.

Когда золотой колокольчик Сымин прозвенел в семнадцатый раз, У Линчань резко открыл глаза. Ему казалось, будто он задохнулся во сне. Перед глазами плясали чёрно-белые снежинки, и он с трудом ловил ртом воздух.

Цин Ян, стоя на коленях у его ног, весь взмок от волнения.

— Юный господин! Я звал вас, но вы не просыпались. Только когда я взял этот колокольчик, вы очнулись. Вы в порядке? Вы так бледны.

У Линчань, ещё не оправившись от потрясения, покачал головой.

— Отец явился во сне, наговорил всякой ерунды, так громко, что голова разболелась. Я почти ничего не понял.

Цин Ян промолчал.

«Владыка Цзюйфу ведь ещё не умер».

У Линчань, хоть и был глуповат, но начал кое-что подозревать.

Вчера, когда он был во дворце Тунлань, его отец не только снял с него заклятие, но и, чтобы Чэнь Шэ ничего не заметил, оставил в его сознании частицу своего духа.

То заклинание, которое он бормотал... кажется, оно называлось «узы ослабления сердца».

Что это такое?

Говорил, что им можно убить Чэнь Шэ. Но как он, на стадии золотого ядра, мог убить заклинателя на стадии постижения пустоты?

Отец, наверное, сошёл с ума.

У Линчань задумался. То ли из-за незнания языка, то ли из-за того, что в Пустоши Демонов все были такими хитрыми, но его постоянно кто-то обманывал, и у него уже кружилась голова.

Пока он размышлял, Цин Ян вдруг удивлённо воскликнул:

— Юный господин, у вас на теле...

У Линчань посмотрел и увидел, что на его запястье появилась красная линия, а затем бесчисленные руны начали быстро расти, в мгновение ока покрыв его руку до самых кончиков пальцев.

У Линчань не знал этих рун, но в его голове внезапно возникла мысль.

«Узы ослабления сердца».

У Линчань замер.

Он не мог поверить, чувствуя себя обманутым.

— Разве не было сказано: «Во всём мире только я могу их активировать»?

Едва он произнёс эти слова, как узы ослабления сердца тут же активировались. У Линчань не успел ничего предпринять и, не пробыв в сознании и четверти часа, снова рухнул.

...И заснул.

<http://bllate.org/book/16997/1584788>